вѣру, какъ будто не существуетъ мужицкаго атеизма! Когда Толстой метался, задыхаясь одинаково и отъ безрелигіозной жизни и отъ религіознаго безсилія, онъ естественно схватился и за этотъ якорь, и въ ту минуту это, быть можетъ, ему и помогло. Однако слѣдуетъ безъ всякаго колебанія сказать, что это внѣшнее обращеніе сразу же создало вывихъ въ его отношеніяхъ къ православію и вообще церковному христіанству. Толстой если временно и принялъ православіе, то не ради его самого, а лишь въ качествѣ элемента своего народобожія. Православіе для него въ это время дѣйствительно имѣло значеніе аттрибута народности, какъ принадлежность народнаго быта, хотя это приписывается обыкновенно славянофиламъ. Но такое отношеніе къ православію есть, конечно, безсознательное надъ нимъ кощунство, которое позднѣе, освободившись отъ гипноза народобожія, Толстой замѣнилъ сознательнымъ кощунствомъ, имъ онъ какъ будто мстилъ православію за свою же собственную предъ нимъ вину.

Наиболѣе важнымъ и принципіально интереснымъ является вѣроучительный мотивъ проповѣди опрощенія,—ея связь съ христіанствомъ. Извѣстно, что Толстой опирается при этомъ почти исключительно на заповѣди Нагорной Проповѣди, къ которымъ онъ сводитъ почти все христіанство. Въ ученіи объ опрощеніи Толстымъ снова ставится и обостряется проблема *христіанскаго аскетизма.* Огромное значеніе толстовства, какъ міровоззрѣнія аскетическаго, состоитъ въ обостреніи этой проблемы, заглохшей въ общественномъ сознаніи въ нашъ вѣкъ утилитаризма, эвдемонизма и матеріализма. Въ этомъ пунктѣ толстовство, повидимому, наиболѣе сближается съ христіанствомъ, притязая быть подлиннымъ, очищеннымъ отъ историческихъ наростовъ христіанскимъ ученіемъ, но въ немъ же оно глубоко отличается отъ христіанства, несмотря на всю видимость этого сближенія. Провести разграничительную линію между толстовствомъ и христіанствомъ въ этомъ вопросѣ представляется дѣломъ далеко нелегкимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ этимъ ученіемъ неразрывно связанъ огромной важности вопросъ о религіозной цѣнности культуры. Вотъ почему ученіе объ опрощеніи мы считаемъ самой важной и интересной стороной міровоззрѣнія Толстого, нервомъ всего его религіознаго дѣла.